

УРАБИТОТО
ОКО

Роман Николаевна

Роман Николаевна У разбитого окна

<https://litres.ru/74634789>

SelfPub; 2026

Аннотация

Виктор Петрович знал, как воспитывать сыновей. Дисциплина. Уколы для выносливости. Тренировки до потери сознания. Он лепил из старшего идеального наследника — и не замечал, как ломает его. Степан умер в четырнадцать. Остановилось сердце. В подвале, под секундомер отца. После похорон Виктор переключился на младшего.

Вере было четырнадцать, когда она поняла: останется — Артём умрёт так же. Она сбежала ночью. Забрала пятилетнего брата, старый ключ и ничего больше. Она не знала, что в лесу найдут похожую девочку. Что её похоронят под чужим именем. Она просто шла вперёд. Говорила с братом, которого больше нет.

Артём не помнил ничего. Она не могла сказать правду. Что отца охотится. Что Денис — брат, которого она оставила — остался там. С ним.

Однажды появился мужчина. Седой. Со шрамом. Он знал их имена. Его дочь была той девочкой из леса.

Так Вера попала в мир наёмников. Мир, где дети не вызывают подозрений. Мир, где за помощь платят чужой кровью. Она не хотела убивать. Она хотела выжить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Роман Николаевна У разбитого окна

Глава 1

В доме Львовых часы били каждый час. Ровно. Без опозданий. Без права на ошибку. Старые напольные часы с маятником в виде позолоченного льва стояли в холле ещё от прадеда. Их бой был единственным звуком, который никто не смел запретить. Виктор Петрович разрешал им звонить, потому что часы символизировали порядок. А порядок в доме Львовых был превыше всего. Вера любила этот бой. Когда стрелка замирала на двенадцати, это означало, что Степан выдержал ещё один час. А значит, и она выдержит. Она сидела на подоконнике в своей комнате, прижав колени к груди. За окном серый осенний дождь размазывал город в одну сплошную акварельную кляксу. Где-то там, на улице, были другие дети. Они бегали по лужам, смеялись, ходили в обычную школу. Вера видела их, когда мать изредка возила её в центр за продуктами. Каждый раз это был шок. Как будто она смотрела кино про чужую жизнь, где отцы не строят детей по струнке, где можно плакать без причины и где никто не считает твои шаги за день. В дверь постучали. Сухо.

— Заходите , — сказала Вера, хотя уже знала, кто это.

В комнату скользнула Елизавета Егоровна. Мать всегда двигалась бесшумно. За десять лет брака Виктор Петрович вытравил из неё все громкие жесты. Она носила длинные серые платья, волосы убирала в тугой пучок и старалась не смотреть в глаза никому из детей, потому что в каждом из них видела мужа. И боялась.

— Вера, спускайся к ужину, — сказала она тихо. — Отец уже за столом.

— Степа придёт?

Мать замялась. Её пальцы теребили край платка.

— Он сегодня... он тренируется в подвале. Позже поест.

Вера спрыгнула с подоконника. Ей было почти четырнадцать, но выглядела она на двенадцать — тонкая, острая, с бледной кожей и большими серыми глазами. Волосы светло-каштановые, как у матери, вились от природы, но Вера заплетала их в косу, чтобы отец не говорил, что она «распустила патлы». Она прошла мимо матери, даже не взглянув на неё. Не из злости. Просто смотреть на маму было больно. В зеркало тоже было больно — потому что в отражении Вера видела ту же покорность, которую ненавидела в матери.

Большой обеденный зал находился на первом этаже. Тяжёлый дубовый стол на двенадцать персон, но место было только для пятерых. Шестое, во главе стола, всегда пустовало — оно принадлежало отцу. Львовы редко принимали гостей. Виктор Петрович уже сидел на своём месте, прямой как струна. Пятьдесят два года, короткая стрижка, волевой

подбородок, и глаза цвета голубого льда. Те же глаза были у Степана и у самой Веры. Те же, что теперь смотрели на неё с холодным прищуром.

— Здравствуйте, отец.

— Здравствуйте, отец, — передразнил он. — Где Денис?

— Он в своей комнате, — ответила Вера, садясь. — Рисует.

— Пусть бросает. Бесполезное занятие. Художники не зарабатывают денег. Ты тоже, слышишь? Никаких книг за ужином.

Вера кивнула. Она и не планировала. Книги она читала только ночью, под одеялом, с фонариком, который тайком стащила у Дениса. Это был их с ней маленький секрет. Денис рисовал, Вера читала. Они были невидимками в этом доме. И это их спасало.

Мать подала ужин: суп-пюре, запечённая рыба, овощи. Всё диетическое, без специй, без излишеств. Виктор Петрович следил за питанием как за расписанием. Он сам составлял меню на неделю, потому что «женщины только баловать умеют».

— Ты сегодня ползала по кабинету? — вдруг спросил он.

— Что?

— Ползала. По полу. Ты уронила мою ручку из чёрного дерева. Я видел следы на паркете. Собирала? Не прошла мимо?

Сердце пропустило удар.

— В следующий раз не смей трогать вещи на моём столе.

— Он не повысил голос. Он вообще никогда не кричал. От этого было ещё страшнее. — Я не потерплю хаоса. Поняла?

— Поняла.

Он отодвинул тарелку. Даже не доев.

— Елизавета, убери. Я жду Степана. Когда закончит, пусть придёт ко мне в кабинет.

Он вышел из-за стола бесшумно, как тень. Только скрип половиц в коридоре выдал его шаги. Мать убрала тарелку и беззвучно заплакала. Вера видела это краем глаза — слёзы текли по щекам, но голос не издал ни звука. За десять лет Елизавета Егоровна научилась молчать так же хорошо, как улыбаться на людях.

— Я знаю, доченька, знаю. — Мать вытерла щёки тыльной стороной ладони. — Иди к себе. Я позову, когда Степан...

Вера выскользнула из-за стола и пошла к лестнице в подвал. Дверь туда была железной, с засовом. Отец говорил, чтобы дети не совались. Но Вера и не собиралась входить. Она села на ступеньки, прямо на холодный каменный пол, и прижалась ухом к двери. Слышно было плохо. Только глухие удары, похожие на падение мешка с песком. И иногда — дыхание. Тяжёлое, с хрипом. Вера достала из кармана старый ключ. Обычный, без особых примет. Он не открывал ничего в этом доме. Просто ключ, который Степан нашёл когда-то в парке и отдал ей со словами: «Это будет наш талисман. Если трудно — сожми в кулаке, и я буду знать». Она не знала,

работает ли это на самом деле. Но каждый раз, когда за дверью гремело тело брата о маты, она сжимала металл так сильно, что на ладони оставались красные полосы. Близнецы. Её и Степана связало что-то большее, чем общая дата рождения. Она чувствовала его, когда он был рядом, и чувствовала, когда ему было плохо. За сотни метров. Сейчас она чувствовала — ему очень плохо. Спустя полчаса засов со скрежетом отодвинулся. Дверь распахнулась. Степан стоял на пороге. Мокрый от пота, в одних тренировочных штанах, с разбитыми костяшками пальцев. Чёрные волосы прилипли ко лбу. Голубые глаза — точь-в-точь как у отца — смотрели пусто.

— Вера?.. — Он чуть улыбнулся. — Ты опять здесь.

Вера коротко кивнула и протянула ему бутылку воды, которую тайком принесла из кухни. Степан сделал несколько жадных глотков, потом сел рядом с ней на ступеньки. Их плечи соприкоснулись.

— Он сегодня злой, — тихо сказал Степан. — На заводе что-то случилось. Я упал на отжиманиях, и он добавил ещё двадцать.

— Двадцать?..

— За каждую секунду. — Степан горько усмехнулся. — Я насчитал одиннадцать.

Вера сжала его руку. Он не отдернул. Они не были нежными друг с другом — это было не принято в доме Львовых. Но когда никто не видел, они могли просто сидеть рядом и

молчать. И это было громче любых слов.

— Слушай, Вер, — прошептал он, глядя в потолок. — А что если... я не выдержу?

— Ты сильный. Ты всегда говорил, что сильный.

— Я врал. Я каждый день врал. Чтобы вы все... не боялись.

Она посмотрела в его глаза. В них больше не было льда отцовского цвета. Была только усталость. Такая глубокая, что казалась бездонной.

— Степ, — сказала она, — ты должен держаться. Ради Тёмы. Ради Дениса. Ради мамы.

— А ради кого ты держишься? — спросил он.

Вера не ответила. Потому что она держалась ради него и ради братьев. В доме Львовых было пять комнат на втором этаже. Отцовский кабинет был самым большим. Материнская спальня — самой маленькой. Детские — посередине, но расположены не по возрасту, а по «статусу». У Степана была комната, прилегающая к отцовской. Огромная, с кроватью, похожей на больничную, и книжным шкафом, где вместо книг лежали брошюры по военному делу и учебники по экономике. Всё по приказу Виктора Петровича. У Веры и Дениса комнаты были в дальнем крыле. Тесные, с маленькими окнами, выходящими во двор. Зато там была старая плюшевая обивка на стульях — единственное, что мать смогла отстоять. В комнате Дениса всегда пахло красками и бумагой. Ему было десять, он был тщедушным, тихим и рисовал вез-

де, где мог. Черные волосы, как у отца, и голубые глаза. Но в этих глазах не было льда. Только страх. Вера зашла к нему после ужина. Денис сидел на полу, поджав ноги, и выводил что-то углём на ватмане.

— Что ты рисуешь? — спросила она, садясь рядом.

— Лес. — Он показал ей рисунок. — Там, где можно спрятаться. Где деревья выше домов.

Вера погладила его по голове.

— Когда-нибудь мы уедем в такие леса. — Правда? — Денис поднял на неё глаза.

— Ты и Степан? И я? И Артем?

Вера помолчала. Артем был самым младшим. Пятилетний мальчик с зелёными глазами, как у матери, и светлыми, почти золотистыми волосами. Он жил в комнате на первом этаже, рядом с кухней, чтобы мать могла слышать его ночью. Артем был единственным, кто ещё смеялся в этом доме.

— Да, — сказала она наконец. — Мы все уедем.

Она не знала, что врёт. Она просто хотела, чтобы Денис не плакал. Он и так плакал почти каждую ночь в подушку, а отец говорил, что «мужики не скулят».

— А где Артем? — спросила Вера. — Внизу. Мама кормит его кашей. Он сегодня упал с лестницы, но не плакал.

— Упал?

— Нет, он говорил, что его толкнули. Но я не видел. — Денис пожал плечами.

— Может, придумал. Он всё время придумывает.

Вера спустилась вниз. Артем сидел за маленьким столиком на кухне и сосредоточенно водил ложкой по тарелке. Ему было пять, но он уже знал, что нельзя оставлять еду. Если оставить — отец заметит и будет молчать три дня. Три дня тишины в этом доме были хуже крика.

— Вера! — Тёма увидел её и заулыбался так, будто она пришла с войны. — Вера, я сегодня лепил из пластилина. Смотри.

Он протянул ей крошечного льва с отвалившейся головой.

— Это папин лев, — серьёзно сказал Артем. — Я его не боюсь. Он просто рычит. А я умею рычать громче.

И он зарычал. По-детски, смешно. Мать за спиной всхлипнула и прикрыла рот рукой. Вера забрала пластилинового льва и спрятала его в карман. Она носила все маленькие подарки братьев с собой. Это был её маленький бунт — сохранять тепло там, где должно быть холодно.

Ночью, когда весь дом уснул, Вера не спала. Она лежала на кровати и слушала. Дождь всё ещё стучал по крыше. Где-то в кабинете отца всё ещё горел свет — Виктор Петрович работал допоздна.

Степан в соседней комнате ворочался и стонал во сне. Ему снились тренировки. Наконец, из соседней комнаты донёлся выдох. Облегчённый. Степан уснул. Вера вернулась в кровать и до утра смотрела в потолок. Но сегодня она выдержала. Значит, выдержит и завтра. Она сжала в кулаке холодный ключ и закрыла глаза. За стеной часы пробили три часа

ночи. Лев рыкнул маятником. Клетка для Львов снова закрылась до утра.

Глава 2

Виктор Петрович просыпался в пять утра. Никаких будильников. Просто открывал глаза ровно в момент, когда за окном начинало сереть небо, и лежал ровно три минуты, глядя в белый потолок. Это была его личная дисциплина. Потом он вставал, шёл в ванную, брился опасной бритвой, завтракал чёрным кофе без сахара и ровно в пять сорок пять спускался в подвал. Подвал был его территорией. Там не было пыли, не было паутины. Там стояли маты, боксёрские груши, шведская стенка, турник, брусья, гантели и несколько странных приборов, назначения которых никто из детей не знал. Стены были обиты серым поролоном, чтобы звук не вырывался наружу. Виктор Петрович называл это место «залом». Вера про себя называла «мясорубкой». Степан уже ждал. Он стоял у шведской стенки, вытянувшись по струнке, в одних тренировочных штанах и тонкой футболке. Под глазами залегли тени — он почти не спал, но запрещал себе зевать. Однажды он зевнул на тренировке, и отец заставил его отжаться до тех пор, пока он не потерял счёт. Счёт сбился на ста сорока двух.

— Сын, — сказал Виктор Петрович, снимая пиджак и аккуратно вешая его на крючок. — Готов?

— Да, папа.

— Папа? — Отец подошёл ближе. — Я тебе кто?

— Командир, — поправился Степан. — Так точно, командир.

— Правильно. На войне нет пап. Есть приказы. Начинаем.

Тренировка начиналась с растяжки. Степан сел на шпагат, хотя мышцы ныли и гудели от предыдущего дня. Виктор Петрович стоял рядом и смотрел на секундомер.

— Шестьдесят секунд. Не дёргайся.

Степан не дёргался. Он закусывал губу и смотрел в стену, где были начерчены его нормативы. Отжимания — 150 раз. Подтягивания — 50. Пресс — 200 раз. Бег на месте — час. И это только разминка. Отец считал, что тело должно подчиняться разуму абсолютно. Что любые слабости — это роскошь, которую наследник не может себе позволить.

— Ты — продолжение меня, — говорил он. — Мои руки, моя воля. Если ты слабый, значит, слабый я. А я не слабый. Ты понял?

— Понял, — отвечал Степан. — Я продолжение вас.

— Молодец. Ещё сто раз. Степан падал на пол и начинал отжиматься. С каждым разом мышцы наливались свинцом, дыхание сбивалось, но он не останавливался. Отец стоял рядом и считал вслух.

— Семьдесят три. Семьдесят четыре. Семьдесят пять. Семьдесят шесть, — голос был монотонным, как у диктора прогноза погоды. — Восемьдесят. Почему ты дрожишь? Не смей дрожать.

После отжиманий были подтягивания. Отец подводил его к турнику и давал команду. Степан подтягивался до тех пор, пока руки не начинали гореть огнём. Когда силы кончались, Виктор Петрович становился сзади и страховал — то есть не давал ему упасть. Но не помогал. Просто стоял и смотрел, как сын висит на одной руке и пытается подтянуться второй.

— Ты можешь больше. Ты должен больше, — говорил он холодно. — Я знаю твой предел. Ты его ещё не достиг.

— Я... не могу... — шептал Степан.

— Можешь. Я сказал — можешь.

Он был прав. Степан подтягивался. Всегда. Потому что если он падал, отец просто уходил и оставлял его висеть на турнике до тех пор, пока он сам не слезет. Однажды он провисел сорок минут. После физических нагрузок начиналась «интеллектуальная часть». Отец сажал Степана за маленький стол в углу подвала и давал ему тесты. Математика, логика, тактика, экономика. Степан решал задачи, пока его руки ещё тряслись от нагрузки.

— Вариант А, — читал Виктор Петрович задачу. — Ты командир отряда. У тебя двадцать бойцов. Противник — сорок. Лес. Ночь. Идёт дождь. Твои действия.

— Я разделю отряд на две группы, — отвечал Степан. — Одна отвлечёт, вторая зайдёт с тыла.

— Почему не три? — Потому что двадцать на три меньше семи. Останется один. В бою нечётные группы плохо работают. Отец кивал. Иногда он кивал. Это была высшая награда.

— Хорошо. А теперь представь, что вместо противника — я. У тебя есть только нож. У меня пистолет. Твоя задача — выжить.

Степан замирал. Это были не просто задачи. Это была подготовка к чему-то, о чём он не спрашивал. Он знал, что отец готовит его к управлению заводом. Но иногда в этих вопросах звучало что-то другое. Более тёмное. — Я спрячусь, — отвечал он. — Буду ждать, пока вы пройдёте мимо. Удар снизу, в область почек. — Правильно. Но будет больно. Ты готов к боли?

— Я готов, — говорил Степан, хотя его голос дрожал.

Отец смотрел на него с прищуром. Иногда этот взгляд длился несколько секунд. Потом он отворачивался и открывал маленький металлический кейс, который всегда стоял в углу.

— Раздевайся до пояса, — командовал он. — Садись на стул.

И начиналось самое страшное. Виктор Петрович доставал из кейса ампулы и шприц. Он не спрашивал, готов ли Степан. Он просто делал укол. В плечо, в бедро, иногда в шею — в зависимости от того, что вводил.

— Это укрепляет кости, — говорил он, когда Степан морщился от острой боли. — Это для выносливости. А это — концентрация. Ты будешь думать в два раза быстрее.

Степан не знал названий. Он знал только ощущения. После одних уколов сердце начинало биться так часто, что ка-

залось, выпрыгнет из груди. После других тело немело, и он не мог шевелить пальцами.

— Терпи, — говорил отец. — В будущем ты будешь благодарить меня. Я делаю тебя совершенным.

— Да... командир, — выдавливал Степан, сжимая зубы.

Однажды, после особенно сильного укола, у него начались судороги. Он упал на пол, его тело выгнулось дугой, глаза закатились. Виктор Петрович стоял рядом и смотрел на секундомер.

— Пять секунд, — спокойно сказал он. — Шесть. Семь. Восемь. Девять. Десять.

На одиннадцатой секунде Степан перестал дышать.

— Пятнадцать. — Отец наклонился и потряс его за плечи.
— Восемнадцать. Двадцать.

Степан вдохнул. Резко, судорожно, как будто его вытащили из воды. Он лежал на холодном бетонном полу и дрожал, но не плакал. Плакать было запрещено.— Ты выдержал, — сказал Виктор Петрович, поворачиваясь к кейсу.

— Я горжусь тобой.

Это было первое и последнее слово «горжусь», которое Степан слышал от отца. Он не знал, что оно стоило двадцати секунд без дыхания. В тот же день, после обеда, Вера подловила Степана в коридоре. Он шёл, слегка хромя, одна рука висела плетью, а на шее краснел след от укола. Когда она увидела это, у неё перехватило дыхание.

— Что он тебе опять вколол? — прошептала она.

— Не знаю. Я спросил раз — он сказал, что это для пользы дела. Ещё один вопрос — и будет укол в глаз. Так что я больше не спрашиваю.

Вера схватила его за рукав и утянула в свою комнату. Там она достала из-под кровати старую аптечку, которую тайком собрала из того, что удавалось стащить из маминой сумки. Бинты, пластыри, зелёнка, обезболивающее.

— Снимай футболку, — приказала она. — Вера, я же...

— Я сказала — снимай! Он послушно стянул футболку. На его худых, но мускулистых плечах синели гематомы от уколов. Кожа была истыкана иглами — одни места зажили, другие только начинали гноиться.

Вера взяла ватку и спирт и начала обрабатывать раны. Степан не дёргался. Он уже не чувствовал боли так, как другие люди. Отец сделал его нечувствительным к уколам.

— Ты знаешь, — тихо сказал он, пока она бинтовала ему плечо. — Я иногда думаю, что он меня не сыном считает. Он меня считает проектом. Чертежом. Он построит меня по плану, а потом...

— Не говори так, — перебила Вера. — Ты ему не чертёж. Ты Степа. Мой брат. Ты..ты.. помнишь, как мы в детстве менялись местами?

Степан улыбнулся. Это была его редкая, улыбка, которая появлялась только когда рядом была Вера.

— Помню. Я ходил в платье целый день. А ты — в моих штанах. Мама так смеялась. А потом пришёл отец и всё ис-

портил.

— Он всегда все портит.

Они помолчали. Вера закончила бинтовать плечо и села рядом с ним на кровать.

— Тебе нужно бежать, — вдруг сказал Степан.

— Что?.. — Из этого дома. Тебе и Тёме. Вы здесь сгниёте. Особенно Тёма. Он маленький, он ещё не понимает. А отец уже посматривает на него как на запасной вариант.

— Запасной вариант? — Вера побледнела.

— Он же псих. Он просчитывает всё. Если я сломаюсь — он переключится на Тёму. Ты думаешь, он стал бы меня тренировать, если б не думал о будущем? Он просто строит новую версию себя. Если одна сбойная — будет вторая.

Вера сжала его руку.

— Тогда бежим вместе. Втроём. Ты, я и Артём.

— Я не могу. — Степан покачал головой. — Он найдёт меня. Ты не знаешь, что он умеет. У него там, на заводе, такие связи... он найдёт меня за сутки. А вас — может, и не найдёт. Ты же девочка. Он считает тебя никем. Он даже имя твоё иногда забывает. Вы с Денисом для него пустое место.

— Денис...

— Денис останется с мамой. Мать его защитит. Сына она не отдаст. Она слабая, но за сына будет драться. А за Тёму — уже нет. Ты видела, как она на него смотрит? Как будто он уже мёртвый.. И внимания почти не обращает.

Вере стало душно. Она встала и подошла к окну. За стек-

лом шёл дождь — тот же дождь, что и вчера. И позавчера. Казалось, что в доме Львовых всегда идёт дождь. Солнце сюда не заглядывало.

— Степ..— сказала она, обернувшись. — Если ты сломаешься... если что-то случится... я заберу Тёму и уеду. Я обещаю. Я не дам ему стать тобой.

Степан кивнул. Он знал, что она не врёт. Она никогда ему не врала.

Той ночью, когда все уснули, Виктор Петрович сидел в своём кабинете и перебирал бумаги. На столе перед ним лежали медицинские карты.

— Степан — 14 лет. Вес — 58 кг. Выносливость — высокая. Реакция — выше средней. Предел нагрузки — 87% от расчётной. Отклонения: тахикардия, судороги после инъекций группы В-4.

Он взял ручку и сделал пометку: «При инъекциях группы В-4 снизить дозу на 15%. Заменить препарат на С-7. Наблюдать». Рядом лежала другая карта. С фотографией пятилетнего мальчика с зелёными глазами и золотистыми волосами.— Артём. Возраст — 5. Вес — 19 кг. Психологический портрет: эмоциональный, привязан к матери и сестре. Потенциал: средний. — Отец задумался и дописал: — «При необходимости — начать раннюю подготовку в 6 лет. Первая инъекция — в 6 лет 2 месяца». Он убрал карты в сейф и закурил. Дым поднимался к потолку, смешиваясь с тенью от настольной лампы.

— Я сделаю из вас людей, — сказал он вслух пустому кабинету. — Будьте вы прокляты, но я сделаю. Хотите вы того или нет.

Лев рыкнул маятником. В подвале на холодном мате лежал Степан и смотрел в потолок. Он знал, что завтра снова будет пять утра. И он будет стоять у шведской стенки. И будет повторять.

— Я — продолжение тебя, — шептал он в темноту. — Но что, если я не хочу им быть?

Никто так и не ответил...

Глава 3

Ленинград, 1985 год.

Осень в городе на Неве была особенно красивой. Золотые листья кружились над Невским проспектом, ветер с Финского залива приносил запах соли и сырости, а в маленьких кофейнях на Лиговском проспекте пахло корицей и надеждой. Елизавета Егоровна Ковалёва стояла у витрины книжного магазина на Невском и рассматривала сборник стихов Ахматовой. Ей было двадцать пять, она работала в библиотеке при Академии художеств и жила в коммуналке на Петроградской стороне вместе с матерью и младшей сестрой. Жизнь была трудной, но светлой. Она верила, что однажды встретит человека, который будет смотреть на неё так же, как она смотрит на стихи Ахматовой — с трепетом и благоговением.

Именно в тот момент, когда она разглядывала обложку с изображением Царскосельского парка, рядом с ней остановился мужчина. Высокий, подтянутый, в строгом чёрном пальто и с идеально завязанным галстуком. У него были чёрные волосы, холодные голубые глаза и уверенность, от которой невозможно было отвести взгляд.

— Ищете что-то конкретное? — спросил он. Голос был ровным, спокойным, без намёка на фамильярность.

Елизавета растерялась. Такие мужчины не подходили к ней. Она была слишком скромной, слишком тихой, слиш-

ком... обычной.

— Я... просто смотрю, — ответила она, поправив выбившуюся прядь светло-каштановых волос.

— А я ищу книгу по управлению производством. Но, кажется, здесь таких нет. — Он усмехнулся. — Впрочем, я рад, что ошибся. Иначе бы не встретил вас.

Она покраснела. Он представился: Виктор Львов, тридцать семь лет, заместитель директора крупного машиностроительного завода. Приехал в Ленинград по делам из Москвы, но решил задержаться на пару дней. Город ему понравился. Понравилась и она.

Через три дня они встретились снова. Он пригласил её в ресторан «Астория» — место, где она никогда не была и вряд ли бы попала без него. Он заказал ей утку в яблоках и шампанское, рассказывал о заводе, о своих планах, о том, как хочет построить империю.

— Я хочу всё контролировать, — сказал он тогда, глядя ей в глаза. — Свою жизнь, свою работу, свою семью. Всё должно быть идеально. Вы понимаете?

Она понимала. Ей казалось, что он просто целеустремлённый человек. Что под этой маской строгости скрывается страсть и нежность. Он был таким сильным, таким надёжным. Он мог защитить её от всех бед.

Они встречались полгода. Он приезжал в Ленинград раз в две недели, дарил ей цветы, водил в театры и на концерты. Она влюбилась так сильно, что перестала замечать тревож-

ные звоночки. То, как он поправлял её причёску, если волосы лежали не так. То, как он критиковал её платья, говоря, что она «может выглядеть лучше». То, как он однажды разбил чашку, когда она сказала, что хочет остаться в Ленинграде, а не переезжать к нему в Москву.

— Ты будешь делать так, как я скажу, — сказал он тогда, глядя на неё холодными глазами. — Ты — моя женщина. А моя женщина слушается меня.

Она списала это на усталость. На стресс. На то, что он просто устал на работе. Она прощала ему многое, потому что любила.

Через год она забеременела. Двойней. Виктор не обрадовался. Он сказал, что они не женаты, что это «не вовремя», что у него сейчас сложный период на заводе. Но он не бросил её. Он снял ей квартиру на Васильевском острове, давал деньги, присылал продукты. Он даже приходил раз в месяц — посидеть, посмотреть на её живот, поговорить о том, что «всё будет хорошо, если она не будет его раздражать».

Вера и Степан родились в ноябре 1986 года. Она назвала девочку Верой — в честь своей бабушки. А мальчика — Степаном, потому что это имя казалось ей сильным и надёжным.

Виктор приехал в роддом на следующий день. Он взял на руки обоих, посмотрел на них и сказал:

— Девочка — это хорошо. Невеста будет. Но сын — это важно. Он продолжит моё дело. Я сделаю из него мужчину.

Елизавета улыбнулась. Она думала, что он рад. Она не поняла, что он уже начал планировать их будущее. И что в этом будущем не было места ни для неё самой, ни для нежности, ни для детского смеха.

Они поженились только через четыре года, в 1990-м. К тому времени Виктор стал полноправным директором завода, его карьера стремительно шла в гору, и ему нужна была «правильная» семья. Свадьба была скромной — никакого белого платья, никаких гостей. Просто роспись в ЗАГСе и ужин в ресторане, где Виктор разговаривал по телефону половину вечера.

— Теперь ты моя жена, — сказал он ей в ту ночь. — Ты носишь мою фамилию. Ты подчиняешься моим правилам. Если ты будешь их нарушать — я тебя не пожалею. Ты меня поняла?

— Да, — прошептала она. — Я поняла.

Она думала, что после свадьбы он станет мягче. Но он стал только жестче.

Через месяц после свадьбы родился Денис. Мальчик с чёрными волосами и голубыми глазами — точная копия отца. Елизавета надеялась, что этот ребёнок смягчит Виктора. Но нет. Виктор посмотрел на новорождённого, покачал головой и сказал:

— Хлипкий. Только похож на меня внешностью и все. Может, исправится.

Но Денис не исправлялся. Он рос тихим, мечтательным,

рисовал всё, что видел, и боялся отца так сильно, что иногда заикался. Ещё через пять лет родился Артём. Виктор воспринял новость равнодушно.

— Ещё один ребёнок, — сказал он, пожав плечами. — Лишний рот. Но пусть. Мальчик — лишним не будет.

Артём родился с зелёными глазами, как у матери, и такими же волосами. Он был самым красивым из детей и самым нежным. Но его появление почти добило Елизавету. Она перестала улыбаться. Перестала спорить. Перестала защищать детей так, как раньше. Она просто существовала в этом доме, как призрак.

Артема воспитывала Вера. С самого раннего детства она носила его на руках, кормила с ложки, читала ему сказки, когда мать лежала в постели с головной болью, а отец был на заводе. Именно Вера научила его говорить, именно она успокаивала его по ночам, когда ему снились кошмары.

— Тёма, — шептала она, обнимая его маленькое тельце. — Всё будет хорошо. Я рядом. Я всегда рядом.

Он верил ей. Он верил всем, потому что был маленьким. И не знал, что мир вокруг него рушится. До того, как отец стал настоящим тираном, у них было короткое, но настоящее счастье. Воспоминания о нём были разбросаны по памяти Веры, как осколки цветного стекла. Она помнила, как они со Степаном бегали по коридорам пустой квартиры на Васильевском, когда отца не было дома. Как мама ставила пластинку с песнями Магомаева и кружилась по комнате, дер-

жа на руках обоих близнецов. Как пахло свежим хлебом из пекарни за углом и как тёплый ветер задувал в распахнутое окно. Она помнила, как Денис впервые нарисовал их всех — маму, папу, Веру, Степана и маленького Тёму. Правда, лицо отца он тогда нарисовал чёрным фломастером, потому что у него закончился бежевый. Мама посмеялась и сказала: «Ничего, в следующий раз купим новые фломастеры».

Но следующий раз не наступил. В 1996 году что-то сломалось. Навсегда. Виктор Петрович потерял крупный контракт на заводе. Кто-то его обманул, кто-то перебежал дорогу. Он вернулся домой злой, разбил несколько тарелок и впервые ударил Елизавету. Не сильно, пощёчину. Но в тот вечер он впервые посмотрел на Степана не как на сына, а как на инструмент.

— Ты должен быть сильнее, — сказал он тогда. — Ты — моё продолжение. Я не позволю тебе быть слабым, понял?

Степану было тогда девять. Он не понял. Но он запомнил. С этого дня тренировки стали регулярными. Сначала лёгкие — отжимания, бег по утрам. Потом сложнее — подтягивания, спарринги с отцом. Потом невыносимые. Вера помнила, как Степан впервые пришёл к ней с синяком на плече.

— Мне не больно, — сказал он, хотя по глазам было видно, что больно. — Это витамины. Папа сказал, это витамины.

Она не поверила. Но она ничего не могла сделать. Она была маленькой девочкой. Её голос ничего не значил. Мать тоже

ничего не могла. Вернее, она могла, но боялась. Она видела, что муж становится жёстче, и пыталась защитить младших детей от его гнева. Она прятала Дениса в своей комнате, когда тот закатывал истерики из-за рисунков. Она иногда отводила Артема в детскую и читала ему сказки, чтобы он не слышал криков из подвала. Но когда дошло до Степана... она опускала глаза и уходила в другую комнату. Однажды Вера спросила её:

— Мама, почему ты не остановишь папу? Почему ты не защищаешь Степана?

Елизавета посмотрела на неё пустыми глазами.

— Потому что, доченька, если я попробую его остановить, он меня убьёт. А кому тогда вы будете нужны?

Вера тогда не поняла. Она думала, что мама просто слабая. Но спустя годы она начала понимать, что мать уже давно не живёт в этом доме. Она просто существует. Как мебель. Как обои. Как часы с маятником в виде льва. Артём рос в этом безумии, но оно его не касалось. Он был слишком маленьким, чтобы помнить, как папа бил маму. Он не знал, что старший брат каждое утро спускается в подвал, где его ломают и собирают заново. Он просто жил в своём мире, где была Вера, мама, Денис и иногда Степан. Он называл Веру «сестра», но любил её как мать. Потому что Вера кормила его, укладывала спать и вытирала слёзы, когда он падал с велосипеда.

— Вера, ты самая вучшая! — кричал он, обнимая её за

шею. — Я тебя юбью больше всех!

Она улыбалась и гладила его по голове. В эти моменты ей казалось, что всё ещё можно исправить. Что ещё не всё потеряно. Но она ошибалась. Всё было потеряно задолго до того, как она это поняла. Той ночью, когда часы пробили полночь, Вера лежала на кровати и смотрела в потолок. Рядом с ней сопел Артём — он прибежал к ней с кошмаром и теперь спал, уткнувшись носом в её плечо. Она обнимала его и думала о том, что было раньше. О Ленинграде, о дожде, о том, как они со Степаном играли в прятки на Васильевском острове. Она сжала в кулаке старый ключ, который когда-то подарил ей брат.

— Я не дам тебе стать им, — прошептала она в темноту, обращаясь к спящему Артёму. — Я лучше умру, чем позволю ему дотронуться до тебя.

Артём заворочался и пробормотал сквозь сон:

— Мама...

Она замерла. Её сердце сжалось от боли и любви. Уже тогда в ней проснулся материнский инстинкт. «Сама ребёнок и воспитывает ребёнка» — прокручивала она в своей голове.

— Спи, Тёма, — прошептала она. — Я здесь. Я всегда здесь.

А где-то в подвале Степан стоял на коленях на холодном мате и смотрел в глаза отцу.

— Ты слаб, — говорил Виктор Петрович. — Но я тебя исправлю. Ты станешь тем, кем я хочу тебя видеть. Степан

кивнул. Он не знал, что это будет правдой. Но он чувствовал это каждой клеткой своего тела.

За стеной часы пробили час ночи.

Лев рыкнул маятником.

Клетка сжалась...

Глава 4

Этот дом никогда не был уютным.

Даже когда Виктор Петрович только купил его, даже когда Елизавета пыталась украсить гостиную шторами и живыми цветами, дом сопротивлялся. Он был старым, с высокими потолками и тяжёлыми дубовыми дверями, с лепниной на потолке, которая напоминала застывшие слёзы, и с длинными тёмными коридорами, где эхо шагов звучало как предупреждение. Артём родился в этом доме. Он не знал никакого другого.

Когда он был совсем маленьким, ему казалось, что дом — это живое существо. Он дышал сквозняками, стонал половицами по ночам и шептал что-то в трубах отопления. Взрослые говорили, что это просто старый особняк, но Артём знал правду. Он чувствовал, как стены сжимаются, когда отец проходит по коридору. Он боялся отца. Все дети боялись. Но маленький Артём боялся по-особенному — тихо, беззвучно, прячась в уголках своей памяти, чтобы не дать страху вырваться наружу. Потому что если страх вырвется, его увидят. А если увидят — накажут.

В доме Львовых наказывали за всё.

За громкий смех — наказывали. За бег по коридору — наказывали. За разбитую чашку, за недоеденный суп, за пятно на скатерти, за то, что не так поправил галстук. Даже за

то, что слишком громко дышал за ужином, могли отправить в комнату без ужина. Артём не помнил, когда впервые понял, что папа — это не просто папа. Что папа — это что-то страшное.

Ему было три года, когда он впервые увидел, как отец ударил маму.

Он не понял, что это удар. Ему казалось, что папа просто толкнул её, чтобы она отошла с дороги. Но мама упала, и у неё из носа потекла кровь, а папа даже не остановился. Он прошёл мимо, как будто мама была стулом или вешалкой.

Артём заплакал. Вера подбежала к нему, зажала рот ладонью и унесла в детскую.

— Тише, Тёма, тише, — шептала она, прижимая его к груди. — Не плачь. Если он услышит, будет хуже.

— Мама упала, — всхлипывал Артём. — У неё кровь.

— Мама в порядке. Она просто устала. А папа... папа не хотел. Он просто... он просто устал на работе.

Врала. Артём не знал тогда, что она врёт. Но он чувствовал это — по тому, как дрожал её голос. По тому, как сильно она прижимала его к себе. С тех пор он научился не плакать громко. Он плакал в подушку, плакал в ванной под шум воды, плакал в шкафу, когда никто не видел. Но никогда — чтобы слышал папа.

Комната Артёма была самой маленькой в доме. Она находилась на первом этаже, рядом с кухней, чтобы мама могла слышать его ночью. Но мама почти никогда не приходила. В

этой комнате было одно окно, выходящее во двор. За окном рос старый клён, который по весне покрывался зелёными листьями, а к осени становился золотым. Артём любил этот клён. Он был его другом. Иногда, когда отец уезжал на завод, Артём садился на подоконник и разговаривал с деревом.

— У тебя есть папа? — спрашивал он. — Твой папа тоже злой?

Клён молчал. Но Артём знал, что тот его слышит. Ветер шевелил листья, и это был ответ.

— Ты не боишься, — говорил Артём. — Ты просто стоишь. И ничего не боишься. Я тоже хочу так.

Он пытался быть как клён. Стоять прямо, не дрожать, когда отец проходит мимо. Но получалось плохо. Он был слишком маленьким, слишком мягким. Его зелёные глаза выдавали страх, а светлые волосы делали его похожим на одуванчик — беззащитный и пушистый. Отец ненавидел это. Однажды, когда Артёму было четыре, Виктор Петрович зашёл в его комнату и посмотрел на него долгим холодным взглядом.

— Ты слишком похож на мать, — сказал он. — Слабый. Сопливый. Но я тебя исправлю. Когда придёт время, я сделаю из тебя мужчину.

Артём не знал, что значит «сделаю из тебя мужчину». Он думал, что это значит — научить его забивать гвозди или водить машину. Он не знал, что это значит — уколы, тренировки, боль. Но Вера знала. Она стояла за дверью, когда отец

говорил это. Её сердце упало куда-то в пятки. Она знала, что Степан уже прошёл это. И знала, что Тёма не выдержит. Он был слишком нежным. Слишком доверчивым. Он верил, что мир добрый, что папа просто устаёт на работе, что мама плачет от счастья. Он не понимал, что мир вокруг него — клетка. В тот день Вера поклялась себе: она не допустит, чтобы с Артёмом случилось то же, что со Степаном. Она скорее умрёт, чем позволит этому случиться.

В этом доме все жили по расписанию.

Шесть утра — подъём. Семь — завтрак. Восемь — занятия (для Степана — тренировки, для Веры и Дениса — домашнее обучение с репетиторами, которых нанимал отец). Двенадцать — обед. Четырнадцать — снова занятия. Восемнадцать — ужин. Двадцать один — отбой. Артём не ходил в детский сад. Отец сказал, что «детсады воспитывают стадо». Вместо этого с ним занималась Вера. Она учила его читать по слогам, считать на пальцах, писать печатные буквы. Они сидели на ковре в её комнате, и Вера объясняла ему всё, что знала сама.

— Смотри, Тёма, это буква «А». Она похожа на домик. А это буква «Б». Похожа на ключик.

— А это что? — показывал он на картинку в старой книжке.

— Это заяц. Он живёт в лесу. Он пушистый и добрый.

— У нас есть лес? — Нет, Тёма. У нас есть только двор.

— А мы поедem в лес?

Вера молчала. Она не знала, смогут ли они когда-нибудь уехать. Но она не хотела разбивать его мечты.

— Когда-нибудь, — говорила она. — Обязательно поедем.

Артём кивал и улыбался. Он верил ей. Верил всему, что она говорила. Денис тоже занимался с Артёмом. Он учил его рисовать.

— Смотри, — говорил он, показывая, как держать карандаш. — Если нажать слабее — линия тонкая. Если сильнее — толстая. Можно нарисовать всё, что хочешь.

— Дом нарисовать?

— Да.

— Наш дом?

— Нет, Тёма. Наш дом не надо рисовать. Нарисуй лес. Как я тебя учил.

Денис тоже боялся. Он всегда боялся. Но когда он рисовал, страх уходил. Он уходил в бумагу, в линии, в краски. Денис рисовал мир, в котором хотел жить. Мир, где не было отца, где мама смеялась, а Степан не ходил с синяками.

Артём не умел рисовать так же хорошо. Но он любил смотреть, как Денис создаёт свои миры. Ему казалось, что брат — волшебник. Что он может взять пустой лист и превратить его в что угодно.

— Нарисуй меня, — просил Артём. — Нарисуй меня большим.

— Зачем?

— Чтобы папа меня не трогал. Чтобы я стал сильным.

Денис нарисовал. Артём получался высоким, с широкими плечами, с улыбкой на лице. В реальности он был маленьким, худым и почти не улыбался. Но на бумаге он был другим. На бумаге он мог быть кем угодно.

Мать Артём почти не видел. Она была тенью, которая иногда появлялась на кухне, чтобы разогреть суп, или в коридоре, чтобы убрать чью-то обувь. Она почти не разговаривала с детьми. Иногда она гладила Дениса по голове, когда он плакал, но это было редко.

Вера пыталась говорить с ней.

— Мама, Тёме нужна ты, — говорила она. — Ты же его мать.

— Я знаю, доченька, — отвечала Елизавета пустым голосом. — Но я уже ничего не могу. Он не слушает меня. Он не слышит меня. Я для него пустое место

. — Но ты можешь попробовать!

— Вера, — мать поднимала на неё глаза. Полные слёз. Полные усталости. — Я устала. Я так устала. Я просто хочу, чтобы всё закончилось.

Вера замолкала. Она понимала, что мать уже давно сдалась. Что она живёт только потому, что не может умереть. Что её тело двигается, а душа уже покинула этот дом. Артём не понимал этого. Он думал, что мама просто много работает. Он иногда подходил к ней, когда она сидела на кухне с чашкой остывшего чая, и трогал за рукав.

— Мама, — говорил он. — Мама, ты со мной поиграешь? Она поднимала на него глаза. В них было столько боли, что Артём отшатывался.

И он шёл к Вере. Всегда к Вере.

Степан приходил к нему редко. Он был слишком занят, слишком уставшим, слишком сломанным. Но иногда, когда отец уезжал, Степан заходил в комнату к Артёму и садился на его кровать.

— Тёма, — говорил он, — ты помнишь, как мы играли в прятки?

— Помню, — кивал Артём. — Ты прятался в шкафу.— А ты находил меня.

— Это было давно.

— Давно.

— Степан опускал глаза. — Сейчас я не могу прятаться. Я должен быть сильным. Всегда.

— Почему?

— Потому что папа так сказал.

— А можно не слушать папу?

Степан улыбался. Грустно, чуть заметно.

— Нет, Тёма. Нельзя..

Артём не понимал, почему нельзя. Но он чувствовал, что брат говорит правду. Что здесь, в этом доме, нельзя ничего. Ни смеяться громко, ни бегать по коридорам, ни прятаться в шкафу. Здесь можно только терпеть. Иногда Артём просыпался ночью от странных звуков. Из подвала доносились глу-

хие удары, голос отца и иногда — сдавленные стоны. Он не знал, что там происходит. Взрослые говорили, что это просто «тренировки». Что Степан «занимается спортом». Но Артём чувствовал, что это неправда. Когда он слышал эти звуки, он зажмурился и закрывал уши подушкой. Он пытался думать о чём-то хорошем: о лесе, о клёне за окном, о том, как Вера читает ему сказки. Но звуки проникали сквозь подушку. Они были везде. Они были в стенах, в полу, в воздухе. Дом был живым. И он кричал. А потом, за несколько дней до дня рождения близнецов, случилось что-то странное. Вера сидела на кухне, когда Артём подошёл к ней и спросил:

— Вера, а когда у меня день рождения?

Она замерла.

— Тёма, твой день рождения зимой.

— А у тебя?

— У меня... — она запнулась. — У меня и у Степана. В ноябре. Мы родились в один день.

— А когда? — Через три дня, — сказала она тихо. — Через три дня нам со Степаном будет по четырнадцать.

Артём широко раскрыл глаза. — Четырнадцать! Это же много! Это почти взрослый!

— Да, Тёма. Почти взрослый. Она улыбнулась. Но внутри у неё всё сжалось. Потому что она знала, что день рождения в этом доме — это не праздник. Это просто ещё один день. День, когда отец подведёт итоги. День, когда он скажет, что Степан недостаточно хорош. День, когда он посмотрит

на неё с презрением. Она не хотела этого дня. Но она ничего не могла изменить. Артём обнял её за шею.

— Я тебя люблю, Вера, — сказал он. — Ты самая лучшая сестра на свете.

— Я тебя тоже, Тёма, — прошептала она. — Я тебя тоже.

Она прижала его к себе и посмотрела в окно. За стеклом шёл снег. Первый снег в этом году. Дом молчал. Но Артём слышал, как старый клён за окном шепчет ему: «Держись, маленький. Держись». Он не знал тогда, что через несколько дней мир перевернётся. Что старший брат больше не будет ходить по этим коридорам. Что Вера возьмёт его за руку и уведёт из этого дома навсегда. Но пока он был здесь. Пока он был в клетке. И за окном тихо падал снег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.